

*Н.В. Промыслов**

ВОЙНА ПРОТИВ ПРОСТРАНСТВА И КЛИМАТА: ФРАНЦУЗСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О КАМПАНИИ 1812 Г.

Вплоть до конца XVIII в. сочинение мемуаров было в Европе делом немногих. Преимущественно своими воспоминаниями в печатной форме старались поделиться либо представители политической и военной элит, либо литературные деятели. Хотя сам по себе жанр был известен со Средних веков и на протяжении всего этого времени мемуары и автобиографии имели немалую популярность среди читателей¹. Пережитые Старым светом на рубеже XVIII—XIX вв. бурные события, связанные с Французской революцией и почти непрерывными войнами, в которые были вовлечены все без исключения страны Европы, а также ряд азиатских и африканских государств, породили невиданную прежде волну мемуаров, посвященных эпохе. Только в первой половине XIX в. и только во Франции появилось более 500 публикаций мемуарного характера². Все пережившие ту эпоху понимали ее необычность. Для того, чтобы мемуары приобрели популярность среди читателей, автору уже необязательно было принадлежать к элите общества. То, что человек жил во времена Французской революции, Наполеона и уж тем более ходил с ним в Россию, было уже само по себе достаточным поводом для того, чтобы сесть за мемуары. Литературный талант мог сыграть не менее значимую роль в их популяризации, чем близость к сильным мира сего.

Авторы воспоминаний происходили из разных слоев общества и тем интереснее этот источник. Если люди из политической и культурной элиты и в прежние эпохи довольно активно ездили по свету, то под знаменами наполеоновской армии десятки тысяч представителей «низов» впервые смогли побывать в таких удаленных от их постоянного проживания местах, как Египет и Россия. При этом нужно отметить, что после введения всеобщей воинской повинности ветераны гораздо чаще, чем во времена королевской армии, возвращались туда, где жили до призыва, и конечно их устные рассказы оказывали влияние на восприятие со-

* *Николай Владимирович Промыслов, младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.*

¹ *Dwyer Ph.G.* Public remembering, private reminiscing: French military memoirs and the Revolutionary and Napoleonic wars // French historical studies. Vol. 33. 2010. N 2. P. 231.

² *Nora P.* Les mémoires d'Etat: de Commines à de Gaulle // Les lieux de mémoire. 3 vols. P., 1984–1986. Vol. 2. P. 356–359.

бытий и формирование представлений об окружающем мире у широких слоев французского общества³. Участники Революционных и Наполеоновских войн еще на протяжении многих лет рассказывали при любом удобном случае о былых походах и победах, часто добавляя к известным описаниям все новые подробности. Вопрос о том, насколько им верили слушатели, остается открытым, однако очевидно, что так или иначе они влияли на представления о прошлом у весьма широких слоев населения, многие из которых могли и не читать исторических сочинений. Таким образом ветераны влияли и на представления французов о себе самих⁴, становясь, по словам Ж.П. Берто «рассказчиками о Великой Нации»⁵. Для придания своим сочинениям большей достоверности мемуаристы старались описывать события кампании как увиденные собственными глазами, независимо от того, где они в тот момент находились и могли ли быть свидетелями происходившего.

Среди авторов мемуаров можно встретить маршалов, генералов, интендантов и представителей нижних чинов. По численности большая часть опубликованных воспоминаний принадлежит офицерам. Всего к настоящему моменту насчитывается 129 воспоминаний, посвященных специально Русской кампании, и еще несколько сотен, авторы которых посвящают войне 1812 г. часть своих мемуаров⁶. Первые издания начали выходить еще в конце периода Первой империи, однако настоящую волну публикаций мемуарного характера породила смерть императора на Св. Елене в 1821 г., а затем становление наполеоновского культа в период Июльской монархии. Кроме того, в первой половине XIX в. заметно возросла численность читающего населения: к 1830 г. число грамотных во Франции достигло 12 млн, а количество наименований печатных изданий — 7000, и это без учета нелегальных публикаций. Однако самым обильным по количеству выпущенных мемуаров о Наполеоновских войнах стал период 1870—1914 гг., когда после поражения от Пруссии Франция нуждалась в героических примерах из прошлого, чтобы укрепить националистические чувства. Большая часть этих воспоминаний выходила не более одного раза, но были и своеобразные «бестселлеры», как например сочинения капитана Ж. Куанье, сержанта А.Ж. Бургоня, адъютанта императора Ф. Сегюра и др., оказавшие большое влияние на формирование отношения общества во Франции и остальной Европе к наполеоновской эпохе и конкретно к Русской кампании.

³ *Dwyer Ph.G.* Op. cit. P. 235.

⁴ *Ibid.* P. 237.

⁵ *Bertaud J.P.* *La vie quotidienne des soldats de la Révolution, 1789—1799.* P., 1985.

⁶ *Dwyer Ph.G.* Op. cit. P. 239.

Авторы большинства воспоминаний использовали в качестве источников информации о походе вышедшие ранее сочинения и бюллетени Великой армии, и лишь немногие базировались главным образом на личных источниках. Так известно, что Куанье в работе над своими воспоминаниями часто обращался к «Истории Консульства и Империи» А. Тьера, «Мемориалу» Лас Каза и бюллетеням⁷. Многие мемуаристы читали сочинение Ф. Сегюра и почерпнули часть информации из его книги, порою, однако, пытаясь спорить с автором⁸. Этот издательский бум способствовал утверждению и все большему распространению наполеоновского мифа о войне 1812 г.

Среди множества воспоминаний, посвященных периоду конца XVIII – начала XIX в. одной из самых популярных тем был поход Наполеона в Россию в 1812 г. Уникальность кампании и ее влияние на судьбу Первой империи и лично Наполеона побуждали к написанию многочисленных сочинений об этой войне, кратких и пространных. К мемуарам вполне можно отнести и, заявленные авторами в качестве исторических исследований, работы Ф.П. Сегюра и А. де Коленкура. Популярность русского похода породила и подложные сочинения, каковыми например являются «Мемуары сержанта Р. Гийемара»⁹, написанные на самом деле Ш.О. Барбару и А. Лардые, не бывавшими в России 1812 г.¹⁰ Популярность этих сочинений была велика: многие из них переводились на другие европейские языки и неоднократно переиздавались. Для большинства жителей Франции именно мемуары стали самым доступным, после бюллетеней Великой армии, источником знаний не только о кампании 1812 г., но и о России вообще.

* * *

Подготовка к войне против России была длительной и включала в себя сбор всей доступной информации о ее западных и центральных губерниях¹¹. Среди несомненных удач французской разведки нужно назвать операцию по добыче столитовой карты Российской империи, которой

⁷ Dwyer Ph.G. Public remembering, private reminiscing... P. 248.

⁸ См. например, «спор» с Сегюром немецкого мемуариста Х.Ф. фон Иелина о ткацком станке в избе под Малоярославцем. — Иелин Х.Ф. фон, Записки офицера армии Наполеона // Роос Г.У.

С Наполеоном в Россию: записки врача Великой армии. М., 2003. С. 160–161.

⁹ Mémoires de Robert Guillemand, Sergent en retraite: suivis de documents historiques, la plupart inedites, de 1805 à 1823. P., 1826. Т. 1–2.

¹⁰ Подробнее о «Мемуарах Гийемара» см. Земцов В.Н. Необычайные и удивительные приключения Робера Гийемара, сержанта 9-го линейного полка, или пленные французы в уральской глуши в 1812–1814 гг. // Уральский исторический вестник. 2008. — № 1(18). С. 116–125.

¹¹ Статистические данные о российских губерниях от западной границы до Москвы, Тулы и Калуги находятся в настоящее время в военном архиве в Венсенне в Париже: SHD DAT 1 M 1488, 1489.

пользовались потом в ходе войны¹². Накануне войны было опубликовано несколько атласов Российской империи, заметки о которых можно найти во французских газетах. Однако представления о географии России у большинства французов оставались весьма приблизительными и во многом основывались на стереотипах восприятия, берущих начало из предыдущих эпох. Так Бургонь утверждал, что среди солдат циркулировали слухи о том, что армия якобы будет вынуждена отправиться в Монголию и Китай, чтобы захватить там владения Великобритании и укрепить тем самым Континентальную блокаду¹³. Едва ли эти солдаты представляли себе продолжительность такой экспедиции, не говоря уже о том, что в начале XIX в. в Китае и тем более Монголии не было владений британской короны.

Представители старшего офицерства были более информированы. Майор гвардейской артиллерии Булар, видимо, рассмотрев реальную карту Европейской России, с интересом обнаружил накануне Бородинского сражения, что находится в наиболее возвышенном регионе России, «среди притоков и недалеко от истока Волги, этой великой реки, которая пересекает Европейскую Россию и уже в Азии впадает в Каспийское море, и что истоки Борисфена, впадающего в Черное море, и истоки Двины, впадающей в Ботнический залив, также находятся недалеко»¹⁴. Надо заметить, что истоки всех трех рек действительно находятся относительно недалеко друг от друга на Валдайской возвышенности. Удаленность по прямой Бородинского поля от истока Волги составляет менее 300 км, до истока Днепра отсюда около 150 км, а до истока Западной Двины — также менее 300 км. Если сравнить эти расстояния с удаленностью от Франции, а такие сравнения вольно или невольно делали все участники кампании, то действительно расстояние могло показаться им незначительными. Посредством таких описаний участники похода пытались показать, насколько далеко они зашли в глубь России, оказавшись в ее географическом центре, и таким образом дополнительно подчеркнуть значимость успехов французов в этой войне.

Координаты ментальной географии французов той эпохи связывали Россию с Севером и Востоком одновременно, что уже характеризовало ее цивилизационные особенности. По мнению де Ла Флиза, Смоленск близок к Северному полюсу¹⁵, а Бургонь утверждал, что во время его скитаний под Березиной ему дорогу ночью освещало северное сияние,

¹² *Безотосный В.М.* Наполеоновские разведывательные службы в военной кампании 1812 г. // НиНИ. 2004. № 4. С. 192.

¹³ *Bourgogne A.J.B.* Mémoires du sergent Bourgogne. 1812–1813. P., 1910. P. 58.

¹⁴ *Boulart J.F.* Mémoires militaires. P., 1892. P. 253.

¹⁵ *Ла Флиз де.* Поход Наполеона в Россию в 1812 г. М., 2003. С. 24.

которое часто можно видеть в здешних краях¹⁶. Близость к северу подтверждалась, безусловно, и холодами, от которых Великая армия сильно страдала на втором этапе кампании.

Но Россия была для французов страной не только северной, но и восточной, азиатской. Границы между Европой и Азией авторы проводили по-разному. Так Ц. Ложье, вообразил себя на границе Азии, как только увидел Москву с одного из холмов¹⁷. Бургонь утверждал, что когда армия вышла из Москвы по направлению к Калуге, то сразу оказалась в Азии¹⁸. Сегюр полагал, что Азия находилась в другом направлении от Москвы, по дороге на Владимир¹⁹. Адьютант императора был гораздо более точен в своих представлениях. Действительно, именно по владимирскому тракту все путешественники выезжали из Москвы, чтобы попасть в азиатские провинции империи, однако поскольку автор не указал расстояние до них, у читателей могло сложиться впечатление, что Владимир расположен близко к границе этого региона. Далее в своем сочинении Сегюр упоминал, что азиатская часть России преобладает над европейской²⁰. Если сравнивать только площадь азиатских и европейских губерний, то автор безусловно прав, но поскольку никаких критериев для сравнения указано не было, у читателя опять же оставалась возможность для любых фантазий и размышлений.

В описании российских городов также можно найти множество характеристик, которые помещали их в контекст Востока и способствовали формированию образа страны. Особенно много подобных характеристик у Сегюра: «В Гжатске, как и в Смоленске, и в Вязьме, отчасти случайно, отчасти по татарскому обычаю, базар (bazar) расположен в азиатской части города»²¹. Таким образом, в одном предложении автор трижды напомнил читателю о восточных чертах страны, в которой очутился, упомянув базар, татарские обычаи, которые, видимо, сильны во всех русских городах, и разделив русские города на азиатскую и, видимо, европейскую части. По какому принципу происходило это деление, Сегюр не объяснял, что снова оставляло простор для фантазии читателя.

Москва служила мемуаристам наилучшей иллюстрацией переплетения азиатских и европейских черт в российском обществе, поскольку в большом количестве обладала и теми, и другими. Награбленные в Москве богатства: кашемировые шали, прекрасные сибирские меха и другие

¹⁶ *Bourgogne A.J.B.* Op. cit. P. 137.

¹⁷ *Ложье Ц.* Дневник офицера Великой армии в 1812 г. М., 2005. С. 101.

¹⁸ *Bourgogne A.J.B.* Op. cit. P. 56.

¹⁹ *Segur Ph.P.* Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. P., 1824. T. 2. P. 31.

²⁰ *Ibid.* T. 1. P. 136.

²¹ *Segur Ph.P.* Op. cit. T. 1. P. 258.

товары, которые назывались индийскими, китайскими и т.п., напомнили читателю о близости к Москве восточных стран. О тесных связях с Востоком должно было свидетельствовать и наличие в Москве китайского города (*la ville chinoise*), именно здесь, по словам Булара, можно было найти китайские товары²². Бургонь утверждал, что видел нескольких китайцев на улицах сгоревшей Москвы²³. Как он определил национальную принадлежность этих людей, автор не уточнял.

Неизгладимое впечатление произвела на участников похода архитектура Москвы. В мемуарах можно найти множество описаний московских церквей и дворцов. Будущий маршал Кастеллан отмечал, что у каждой греческой церкви, которых много сохранилось после пожара, поскольку они были построены из кирпича, было пять или шесть колоколен с золочеными или покрашенными в зеленый цвет куполами²⁴. Сегюр полагал, что в Москве имелось 295 церквей, золоченые купола которых производили огромное впечатление на путешественника, 1500 дворцов с садами, а также большой базар, где продавались товары со всего света²⁵. Обилие дворцов в Москве отмечал и Куанье, полагавший, что они занимали половину территории города²⁶. Зрелище тысячи московских куполов и колоколен, отражавших лучи ярко блиставшего солнца, позволяло де Ла Флизу вообразить себя в Азии²⁷.

Не забыли авторы мемуаров упомянуть и Московский Кремль, служивший резиденцией французского императора во время его пребывания в городе. Однако посещение этой «цитадели царей» вызывало у участников похода разную реакцию. Так, майор Булар, когда его часть приблизилась к одним из ворот Кремля, лишь бросил взгляд на этот по внешнему виду древний и мрачный въезд, а более поздний поход в один из дворцов Кремля запомнился ему не столько красотой архитектуры, сколько теми сувенирами, которые он там раздобыл²⁸. Подобные воспоминания характерны для мемуаров военных, в которых очень часто ценность того или иного города определялась количеством найденного там продовольствия, фуража, боеприпасов и богатств, которые можно было увезти с собой; гораздо реже солдаты и офицеры описывали какие-то историко-культурные достопримечательности²⁹. В тоже время Сегюр

²² *Boulart J.F.* Op. cit. P. 263.

²³ *Bourgogne A.J.B.* Op. cit. P. 29.

²⁴ *Castellane, Boniface de.* Journal du marechal de Castellane : 1804—1862. Tome 1 1804—1823. P., 1895. P. 158.

²⁵ *Segur Ph.P.* Op. cit. T. 2. P. 5—6.

²⁶ Les cahiers du capitaine Coignet (1799—1815) / publ. par Lorédan Larchey. P., 1883. P. 327.

²⁷ *Ла Флиз де.* Указ. соч. С. 38.

²⁸ *Boulart J.F.* Op. cit. P. 260, 262.

²⁹ *Petiteau N.* Guerriers du Premier Empire. Experience et memoires. P., 2011.

придавал гораздо большее значение приходу французов в Кремль. По его словам и сам Наполеон, «увидев дворец Романовых и Рюриковичей, носящий одновременно готические и современные черты, трон, все еще возвышающийся на своем месте, крест Ивана Великого, лучшую часть города, над которой Кремль доминирует и которую даже пламя, еще бушевавшее на базаре, пощадил», вновь начал надеяться на заключение мира³⁰. Упоминание такого количества важных для России исторических имен и атрибутов царской власти должно было свидетельствовать о значимости победы французов.

Описания населения, приводимые в мемуарах, также свидетельствовали о близости страны к Востоку. Бургонь рассказывал, что в Москве в содержании их части находилось несколько местных женщин, которые в воображении автора превратились в китайянок, монголок и индианок, которым французские гвардейцы поклялись в верности перед уходом из российской столицы³¹. В какой-то момент для них в Москве был устроен бал, в ходе которого их переодевали во французских дворянок, что, видимо, доставило большое удовольствие публике³². Поскольку для этих новоиспеченных дворянок не смогли найти помады и пудры, пришлось использовать жир и муку, что только подчеркнуло искусственность и карнавальный характер всего происходящего. Когда гвардейцы покидали Москву, они оставили своих московитских красавиц, отдав им также ту часть добычи, которую не могли увезти с собой, что сделало их, по его словам, богатыми, как никогда прежде³³. Это типичная история романтических походов европейца в России. Подобные приключения, в которых обязательно фигурировало переодевание во французенок, обучение языку и манерам европейцев и оставление в лучшем положении, чем они были до этой встречи, должны были лишней раз подчеркнуть благотворность влияния европейской цивилизации на Россию в целом³⁴.

Все эти специфические впечатления, произведенные «восточным» обликом Москвы, необычностью ее архитектуры, а также московским пожаром, создали особое отношение участников похода к этому городу. Многие мемуаристы уже побывали в составе наполеоновских войск в самых разных городах и странах, но Москва заняла среди них совершенно особое место. «Многие столицы, которые я видел, такие как Париж, Берлин, Варшава, Вена и Мадрид, произвели на меня заурядное впечат-

³⁰ *Segur Ph.P.* Op. cit. Т. 2. P. 32.

³¹ *Bourgogne A.J.B.* Op. cit. P. 55.

³² *Ibid.* P. 50.

³³ *Ibid.* P. 54.

³⁴ Подробно этот сюжет рассматривается в: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу. Глава 2, Обладая Восточной Европой: Сексуальность, рабство и телесные наказания, С. 98–148.

ление, — писал сержант Бургонь, — но здесь (в Москве. — *Н.П.*) все было иначе, здесь я, как и все другие, ощущал что-то магическое». В ожидании вступления в Москву французы — по словам Бургоня — забыли об усталости, бедах и лишениях, и могли думать только об удовольствии попасть в этот город³⁵. Такой положительный настрой перед вступлением в российскую столицу был в первую очередь связан с ожиданием скорого мира, но поскольку мемуары писались много лет спустя после завершения кампании, этот нюанс авторы могли и опустить в своих сочинениях, из-за чего у читателя складывалось представление, что забыть об усталости позволяло именно магическое впечатление, порожденное одним именем города.

Правда, несколькими страницами позже Бургонь сам поставил под сомнение богатство Москвы. Он утверждал, что в Кремле нашли совсем не так много сокровищ, как ожидали. В одном из храмов вместо богатств нашли только каменные могилы с серебряными табличками³⁶. Такие утверждения доказывали показной характер российского богатства и еще раз подтверждали приверженность русских к внешним атрибутам и подражательству, что в свою очередь должно было свидетельствовать о невысоком уровне развития российской цивилизации.

В рамках ментальной географии Россия делилась на несколько регионов, имевших свою, в том числе цивилизационную, специфику. Так западные губернии империи определялись как Русская Польша или Литва. Этот регион простирался от западных границ Российской империи до границ бывшей Речи Посполитой. Роосу Литва показала лучше устроенной и организованной по сравнению с Герцогством Варшавским: «Наше составленное заранее мнение о России и наше малодушие относительно великого предприятия отчасти рассеялись, как только мы заметили, что на другом берегу реки (Немана. — *Н.П.*) все было иначе и в лучшем состоянии, чем нам приходилось видеть до сих пор в Польше³⁷. В то время как Ла Флиз, вспоминая о песчаных дорогах в окрестностях Вильно, утверждал, что, по словам солдат, видевших пирамиды, она очень напоминала египетские пустыни³⁸. Большую разницу между старой Россией и Литвой отмечал и фон Иелин, хотя в чем именно состояла эта разница он не пояснил³⁹.

Специфическим регионом Российской империи, являвшимся одновременно и полюсом холода, и полюсом страха как для собственных

³⁵ *Bourgogne A.J.V.* Op. cit. P. 13.

³⁶ *Ibid.* P. 47.

³⁷ *Роос Г.У.* С Наполеоном в Россию: записки врача Великой армии. М., 2003. С. 20.

³⁸ *Ла Флиз де.* Указ. соч. С. 54.

³⁹ *Иелин Х.Ф. фон.* Указ. соч. С. 192.

жителей, так и для иностранцев была Сибирь. Во многих сочинениях XVIII в. содержались сведения об этой малоизвестной и «страшной» территории. В ходе кампании 1812 г. не только сама французская армия не дошла до Сибири, но и пленные солдаты Великой армии не бывали здесь, однако многие участники похода хорошо знали о ней, по крайней мере, сержант Бургонь во время своего недолгого плена высказывал опасения, что их могут отправить в Сибирь, и в первую же ночь после того, как это было сказано, он сбежал⁴⁰. Сибирь была не только символом холода, но еще и местом ссылки и именно в таком качестве о ней вспоминал Коленкур. По его словам, после того как Великая армия вошла на территорию России «страх кнута и Сибири», распространенный среди местных жителей, не позволял французам добывать сведения о русской армии⁴¹.

* * *

Наполеон еще в последних бюллетенях, выпущенных в России, объявил российский климат одним из главных победителей Великой армии. Позднее в сочинениях, продиктованных им в ссылке, он еще раз повторил и развил данный тезис. Мемуаристы в большинстве своем не противоречили, а наоборот только поддерживали эту легенду. До начала кампании участники похода не имели недостатка в информации о климатических особенностях будущего театра военных действий. Во многих сочинениях о России, вышедших в XVII–XVIII вв. европейские путешественники, писатели и мыслители сообщали, что зимы здесь холоднее, чем в большинстве европейских стран. Немало внимания особенностям российской погоды уделяла и французская пресса. Основываясь на всей этой информации, а также опыте кампании 1806–1807 гг. солдаты наполеоновских войск примерно догадывались, что в России они могут столкнуться с сильными холодами, которые к тому же нередко начинаются раньше, чем в других странах, где им доводилось воевать. Поэтому во время пребывания в Москве участники похода искали или покупали теплые вещи, торговля которыми активно шла в городе. Однако эти знания не помогли французским солдатам, и во время похода 1812 г. они страдали от холода, а счет замерзших насмерть велся на тысячи.

Если верить мемуарам, то несмотря на все предыдущие знания о России французы оказались совершенно не готовы к реалиям российского климата. При этом важно отметить, что некоторые авторы, развивая «климатическую» теорию поражения Великой армии, заявляли, что и

⁴⁰ *Bourgogne A.J.B.* Op. cit. P. 300.

⁴¹ *Caulaincourt A.* Mémoires du général de Caulaincourt, duc de Vicence, Grand écuyer de l'Empereur. P., 1933. Т. 1. P. 412.

лето в России оказалось для них очень тяжелым. Так майор Булар утверждал, что никогда не страдал от жары так, как в России⁴². От жары под Вязмой 29 августа страдал и офицер итальянской гвардии Цезарь де Ложье⁴³.

Сегюр более всех, наверное, развивал в своих мемуарах идею о том, что климат стал главным победителем Великой армии в России. Согласно его сочинению, с самого начала похода французам приходилось бороться с природой, а нелюдьми. При переходе через Неман завоевателям не пытались противостоять. На том берегу был только лес и один казак, наблюдавший за саперами, наводившими мост, однако начавшаяся затем гроза символизировала те силы, с которыми французы будут бороться в России⁴⁴. Рассказ о грозе подтверждал и Булар⁴⁵, в то время как Бургонь, со своей стороны, отмечал, что никакой грозы не было и погода стояла прекрасная⁴⁶. Такой спор вокруг казалось бы не самого значительного сюжета происходил по двум причинам. Во-первых, как уже говорилось, сочинение Сегюра имело огромное влияние на всю последующую мемуарику и историографию войны 1812 г., а потому из его сочинения черпали сведения обо всех, даже самых незначительных событиях и одновременно пытались с ним спорить, чтобы привлечь дополнительное внимание к собственному произведению. Во-вторых, «климатическая» теория была настолько популярна, что многие авторы никак не могли обойти вниманием любое природное явление, имевшее место в России в 1812 г. или на страницах других сочинений по истории похода.

Чтобы читатель не сильно удивлялся тому, что, по мнению Сегюра, климат в России то слишком жаркий, то слишком холодный, автор четко обозначил свою позицию. «Таков уж здесь климат! Он состоит из крайностей. Небо либо все иссушает, либо все сжигает или замораживает эту землю со всеми ее жителями, которых оно как будто должно защищать. Коварная жара ослабляла нас и делала более восприимчивыми к холоду, который должен был вскоре дать себя почувствовать»⁴⁷.

И даже нездоровье императора во время Бородинской битвы, ставшее причиной его вялости и «приведшее к тому», что битва оказалась напрасной и не решила исход кампании, также, по мнению Сегюра, было следствием климата, который с самого начала похода отрицательно влиял на самочувствие Наполеона. «Русская осень взяла над ним (Напо-

⁴² *Boulart J.F.* Op. cit. P. 251.

⁴³ *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 97.

⁴⁴ *Segur Ph.P.* Op. cit. Т. 1. P. 109–110.

⁴⁵ *Boulart J.F.* Op. cit. P. 242.

⁴⁶ *Bourgogne A.J.B.* Op. cit. P. 2.

⁴⁷ *Segur Ph.P.* Op. cit. Т. 1. P. 164.

леоном. — *Н.П.*) верх. Преждевременная суровость погоды явилась удивительно кстати для русских. 6 сентября, накануне великой битвы, ураган возвестил о приближении осени. Наполеон охвачен был леденящим холодом. Уже в ночь все заметили, что его снедает лихорадка, угнетая его дух, и она изматывала его во время битвы. Болезнь сковывала его движения и его гений на протяжении пяти следующих дней, что спасло Кутузова от полного разгрома»⁴⁸. Но главные беды от климата были еще впереди. С началом отступления и особенно после того, как армия вернулась на Старую смоленскую дорогу, тогда-то, по мнению Сегюра, и начались наиболее тяжкие испытания.

Наполеон в бюллетенях Великой армии утверждал, что зима в России в 1812 г. началась в ночь с 6 на 7 ноября. Сегюр в красках развил это утверждение, рассказав, что принц Евгений должен был 7 ноября отбиваться от атак Платова при двадцатиградусных морозах, а молодой полковник Фезансак «сумел вдохнуть жизнь в своих застывших от холода солдат, которые в ярости бросились на неприятеля, на снежные сугробы, на ледяной северный ураган! Нею даже пришлось умерить их пыл!»⁴⁹ Таким образом у солдат Богарне оказался только один очеловеченный враг, а два других являлись порождением стихии.

Некоторые авторы не пытались запугивать читателя упоминаниями запредельных температур, хотя о влиянии морозов на состояние армии писали все, и в своих описаниях в целом придерживались хронологии бюллетеней. Так, майор Булар подтверждал, что когда армия подходила к Смоленску, погода сделалась холоднее, но не привел на сей счет никаких подробностей. Сильные морозы, по его мнению, настигли армию только в начале декабря между Молодечно и Сморгонью, когда температура опустилась до 26–28 градусов⁵⁰. Р. Вьейо утверждал, что русский помещик, в поместье которого его часть остановилась на ночлег в первых числах ноября, предупреждал его, что климат будет важным союзником русской армии в разгроме французов⁵¹.

Были и те, кто все же не пытался обвинить во всех бедах Великой армии российский климат и утверждал даже, что при должной подготовке к холодам можно было избежать многих несчастий, тем более, если бы император решился выйти из Москвы пораньше. Эти авторы, в отличие от Сегюра, Бургоня и других, возлагали определенную ответственность за произошедшую трагедию на окружение императора и косвенно на

⁴⁸ *Segur Ph.P.* Op. cit. T. 1. P. 305.

⁴⁹ *Segur Ph.P.* Op. cit. T. 2. P. 142.

⁵⁰ *Boulart J.F.* Op. cit. P. 277.

⁵¹ *Viellot R.* Souvenirs d'un prisonnier en Russie pendant les années, 1812–1813–1814. Luneray, 1996. P. 104.

него самого. Например, Коленкур писал, что в сентябре-октябре погода была чрезвычайно теплой для данной местности, о чем говорили даже местные жители⁵². По его данным, холода наступали постепенно и дали себя почувствовать только со второй половины октября. По утверждению Каstellана, еще третьего ноября «днем было по-летнему жарко, а ночью — холодно»⁵³. Достаточно четко выразил главную причину большого числа жертв в Великой армии от морозов де Ла Флиз: «Природа всех жителей Европы одна и та же. Главная причина гибели Великой армии не морозы, а отсутствие теплой одежды и сытного питания, что в условиях холодов совершенно недопустимо»⁵⁴.

Таким образом, мемуаристы в целом не опровергали первостепенного значения погоды в поражении Великой армии в России, но одни сводили все к непреодолимой силе стихии, с которой неизвестно как бороться, другие подчеркивали, что холодная зима не должна была стать сюрпризом для французов и большие потери от обморожения стали скорее следствием недостаточной подготовки к суровому сезону. Таким образом, эти более холоднокровные критики косвенно выдвигали обвинение в поражении против командования самих французов.

Наполеон в своих письмах, приказах и устных беседах с приближенными постоянно подчеркивал, что он ведет против России обычную политическую войну, которая ничем не отличается от множества других, которые он вел ранее. Придерживаться такой точки зрения императору французов было необходимо, чтобы в любой момент иметь возможность открыть переговоры о мире. Однако весь комплекс необычных переживаний участников похода, которые имели место в России, свидетельствовал как раз о чрезвычайном характере всей кампании. Многие мемуаристы придавали войне с Россией эпический характер очередного столкновения между варварством и цивилизацией.

Наполеон ранее часто пытался возвеличить значение собственных побед, придавая им окраску античных подвигов. Так, Итальянскую кампанию 1796–1797 г. он, по словам Ж. Тюлара, смог преподнести как Илиаду благодаря парижской прессе и лубочным картинкам⁵⁵. Сравнения с героическими деяниями древности можно найти на страницах многих мемуаров о кампании 1812 г. Так, Сегюр в третьей главе своего сочинения предсказывал, что в случае успеха русского похода, «если бы не нашлось нового Гомера для этого короля королей, то все же голос девятнадцатого века, ставшего великим веком, заменил бы этого певца, и

⁵² *Caulaincourt A.* Op. cit. Т. 2. Р. 42 и 54.

⁵³ *Castellane, Boniface de.* Op. cit. Т. 1. Р. 180.

⁵⁴ *Ла Флиз де.* Указ. соч. С. 60.

⁵⁵ *Тюлар Ж.* Наполеон или миф о «спасителе». М., 1997. С. 32.

возглас изумления, проникнув в будущее, разнесся бы из поколения в поколение, до самого отдаленного потомства»⁵⁶. То есть, по мысли Сегюра, в случае успеха поход против России должен был затмить своей славой Троянскую войну.

Топонимика, которую использовали мемуаристы, также свидетельствовала о ментальной связи этого похода с величайшими деяниями Древней истории. Днепр мемуаристы очень часто называли в воспоминаниях Борисфеном, помещая таким образом все происходившее на его берегах в контекст античной истории. Этот топоним можно найти у Каstellлана⁵⁷, Бургоня⁵⁸, Раппа⁵⁹, и многих других. Использование древнего названия реки было вызвано отчасти тем, что оно было более известно читателям XIX в., чем современное, ибо история и литература Древнего Рима и Древней Греции являлись обязательными составляющими образования во Франции XVIII–XIX вв. Однако в картах и атласах, изданных во Франции накануне похода, использовалось название Днепр. Коленкур и Куанье, также совершенно свободно оперировали современным названием, не опасаясь быть непонятыми читателями. В картах, которые были включены военным ведомством в статистические справки по российским губерниям, подготовленным накануне войны, так же используется название Днепр⁶⁰.

Сегюр в своем сочинении прямо выразил те ассоциации, которые могли зародиться в голове у читателей при упоминании античного названия реки: «Удаленность этой реки от нашей родины, а также ее древнее (античное) название возбуждало наше любопытство. Впервые воды этой московитской реки видели нашу победоносную французскую армию. Римляне знали ее только по своим поражениям, по этим же волнам дикари Севера, дети Одина и Рюрика, плыли, чтобы ограбить Константинополь. Мы с нетерпением ожидали ее увидеть, но встретили только узкую и сжатую холмами реку с лесистыми берегами»⁶¹. Таким образом, мемуарист подчеркивал превосходство современных «римлян» — французов — над древними, которые якобы терпели здесь поражения. И одновременно он подчеркивал, что здешние края во все времена были связаны с варварством, которое на поверку оказалось не столь уж впечатляющим.

⁵⁶ *Segur Ph.P.* Op. cit. Т. 1. P. 21.

⁵⁷ *Castellane, Boniface de.* Op. cit. Т. 1. P. 183.

⁵⁸ *Bourgogne A.J.B.* Op. cit. P. 86.

⁵⁹ *Rapp, J.* Mémoires du général Rapp, aide-de-camp de Napoléon, écrits par lui-même et publiés par sa famille. 1823. P. 212.

⁶⁰ См например, Statistique des Gouvernemens de Vitebsk et de Mohilev. — SHD DAT 1 M 1489.

⁶¹ *Segur Ph.P.* Op. cit. Т. 1. P. 184.

Без сомнения московский пожар произвел на участников похода большое впечатление, вызвав у них в памяти образы пожаров древности, про которые они ранее читали в исторических сочинениях. В частных письмах из России Москву сравнивали с Карфагеном и Троей⁶², Булар в мемуарах поставил московский пожар в один ряд с сожжением Трои греками и Рима — Нероном⁶³. Сегюр назвал Москву современными египетскими Фивами⁶⁴. Такое сравнение неслучайно, ибо судьбы русского и египетского городов чем-то схожи. Фивы долго были столицей Древнего Египта, и даже после того как административный центр переехал на север, сохраняли свое значение как культурный и религиозный центр до тех пор, пока фараон Рамзес IX Сотер не разорил город. Таким образом, египетская столица тоже была разгромлена собственным правителем. Вполне возможно, что на трактовки московских событий многими мемуаристами повлияло мнение императора французов. В знаменитом «Мемориале» Лас Каза утверждалось, что, по мнению Наполеона, московский пожар превзошел своим масштабом все пожары древности: «Никогда все изображенные в поэзии выдумки о пожаре Трои не смогут сравниться с реальностью того, что было в Москве. Город был деревянным, и его хотели разрушить. Все помпы исчезли. Это буквально был океан огня»⁶⁵.

Русскую кампанию Наполеона 1812 г. ее участники сравнивали не только с походами римлян и Александра Македонского, но и с деяниями крестоносцев. Так, Цезарь Ложье для описания первого впечатления о Москве воспользовался строками Т. Тассо, сравнив, таким образом, армию французов с крестоносцами, а захваченную ими Москву — с Иерусалимом⁶⁶. Схожее сравнение находим у Сегюра, который, правда, вспоминал не о том походе, который привел европейских рыцарей в Святую землю, а о тех, в которых участвовал французский король Людовик IX: «Экспедиция Наполеона в Россию имела печальное сходство с подобными экспедициями Святого Людовика в Египет и Африку. Все эти вторжения, из которых одни были предприняты в интересах неба, а другие — с земными целями, закончились похожим образом. И эти две катастрофы показали миру, что большие и глубокие политические расчеты просвещенного века могут иметь тот же результат, что и необузданный порыв религиозных чувств суеверной и невежественной эпохи»⁶⁷.

⁶² Letters interceptées par les Russe durant la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M. Goriainow. P., 1913. P. 114.

⁶³ Boulart J.F. Op. cit. P. 259.

⁶⁴ Segur Ph.P. Op. cit. T. 2. P. 29.

⁶⁵ Las Cases A.E.D.M. Mémoires de St.-Hélène. P., 1842. T. 2. P. 143.

⁶⁶ Ложье Ц. Указ. соч. С. 100.

⁶⁷ Segur Ph.P. Op. cit. T. 1. P. 58.

Правда, и действия русских в этой кампании также сравнивались с крестовым походом, и в таком случае уже солдаты Великой армии становились варварами. Коленкур писал, что русское духовенство развернуло против вторгнувшегося противника настоящий крестовый поход, чтобы представить французов «в глазах этого суеверного народа варварами, которые пришли, чтобы низвергнуть их алтари, захватить их добро, их женщин и детей и обратить их в рабство»⁶⁸. Правда, в данном случае мемуарист использовал термин «крестовый поход» только как лексическую метафору, а не прямое сравнение с войнами европейцев против мусульман XI–XIII вв.

Животный мир России, представленный в мемуарах, также относил страну к миру варварства. Многие мемуаристы упоминали про медведей, которые, судя по их словам, водились там в большом количестве. Бургонь упоминал, как во время отступления под Смоленском солдаты его части поймали и тут же съели белого медведя (*un ours blanc*)⁶⁹. В том же сочинении находим упоминание о стычке с волками, напавшими на барак, где отдыхал автор со своим другом Пикаром. Однако последний, взяв в одну руку саблю, в другую – еловый факел, быстро прогнал нападавших⁷⁰, показав таким образом еще раз, что дикость можно победить с помощью храбрости и ума. Еще один пример, свидетельствующий о дикости и неизведанности страны, в которой оказалась Великая армия, находим у фон Иелина, утверждавшего, что, находясь в качестве пленника в Дмитрове, он видел там козла с семью рогами⁷¹.

В эпическом походе и жертвы тоже должны быть соответствующими. По утверждению Сегюра только при переходе через Неман, в самом начале похода, Великая армия потеряла 10 000 лошадей, огромное количество повозок перевернулось в песках и многие животные потом умерли⁷². Коленкур также писал, что в первые дни армия потеряла 10 000 лошадей⁷³. Эта цифра, встречающаяся, в частности, и в воспоминаниях капитана Куанье⁷⁴, в принципе может быть близка к реальности, поскольку границу переходило несколько сот тысяч кавалерийских, артиллерийских и обозных лошадей, и соответственно указанные цифры потерь составили бы несколько процентов от общего числа, что при недостатке фуража, который был замечен с первых же дней, вполне возможно. Однако надо заметить, что Сегюр упомянул какие-то цифры потерь конского состава

⁶⁸ *Caulaincourt A.* Op. cit. T. 2. P. 81.

⁶⁹ *Bourgogne A.J.B.* Op. cit. P. 66–67.

⁷⁰ *Bourgogne A.J.B.* Op. cit. P. 191.

⁷¹ *Иелин Х.Ф. фон.* Указ. соч. С. 194.

⁷² *Segur Ph.P.* Op. cit. T. 1. P. 110.

⁷³ *Caulaincourt A.* Op. cit. T. 1. P. 349.

⁷⁴ *Les cahiers du capitaine Coignet.* P. 296.

только при описании перехода через Неман. Также и Коленкур в дальнейшем не приводил данных о потерях в лошадях.

Информация Бургоня о потерях Великой армии от морозов выглядит гораздо менее правдоподобной. Мемуарист утверждал, что в одну из ночей недалеко от Смоленска, когда температура достигла 27 градусов мороза, в разных корпусах армии замерзло насмерть более 10 000 солдат⁷⁵. Получалось, что одна морозная ночь стоила французам больших потерь, чем большинство сражений этой кампании (по утверждению Бургоня французы потеряли в Бородинском сражении 17 тыс. убитыми и ранеными⁷⁶, а под Малоярославцем — 3 тыс. убитыми⁷⁷). И это при том, что в Смоленске в Великой армии насчитывалось от 40 000 до 50 000 строевых солдат и еще не менее 20 000 некомпатантов. То есть если признать сведения Бургоня верными, то получится, что французы за одну ночь потеряли более десяти процентов всех солдат. И опять же упоминание о подобных жертвах встречается один раз, как будто в последующие ночи солдаты перестали замерзать на бивуаках. Такие заявления, независимо от того, насколько они соответствовали действительности, косвенно подтверждали точку зрения о том, что в России наполеоновским солдатам пришлось противостоять не столько противнику, сколько стихиям.

Территория, на которую вторглись солдаты Наполеона, традиционно считалась и называлась многими европейскими авторами цивилизационно отсталой. По мнению Сегюра, эта отсталость делала раненых русских солдат даже менее чувствительными к боли, чем французских: «Они действительно страдали меньше, были менее чувствительны, как в физическом, так и в духовном отношении, — явная зависимость от менее развитой цивилизации и от организма, закаленного суровым климатом»⁷⁸. Врач Роос утверждал, что во время отступления Наполеон издал приказ убивать русских пленных, которые больше не могли идти самостоятельно, после чего эскортировавшие их баденские солдаты стали подговаривать русских пленных бежать и даже посылали их ночью в лес за водой, но те всегда возвращались, так как были слишком нерешительны и боязливы, чтобы бежать⁷⁹. Иными словами, «цивилизационная отсталость», с одной стороны, помогала переносить трудности похода, а с другой — лишала русских солдат собственной воли.

В своих воспоминаниях Сегюр представил всю войну 1812 г. как междивилизационный конфликт. «На какую высоту ни вознес бы импера-

⁷⁵ *Bourgogne A.J.B.* Op. cit. P. 82.

⁷⁶ *Ibid.* P. 8.

⁷⁷ *Ibid.* P. 59.

⁷⁸ *Segur Ph.P.* Op. cit. T. 1. P. 302.

⁷⁹ *Роос Г.У.* Указ. соч. С. 89.

тор Наполеон свой трон на западе и юге Европы, он все же видел перед собой северный трон Александра, всегда готовый властвовать над ним, благодаря своему вечно угрожающему положению. На этих обледенелых вершинах, откуда обрушивались на Европу в былые времена столько варварских нашествий, Наполеон замечал образование признаков нового вторжения»⁸⁰. Важно отметить, что географическая привязка русского варварства — это все же скорее Север, тогда как на Востоке существовала другая варварская империя — Турция, которая буквально накануне начала кампании, вопреки собственным интересам, как их понимали французы, заключила с Россией мир, чем дополнительно усилила противника Франции. Таким образом, варварский мир объединился в своих усилиях для противостояния цивилизации, только на этот раз от имени цивилизации выступал один человек — Наполеон.

Впрочем, Сегюр признавал, что император французов сам ослабил защиту Европы как «центра цивилизации», разгромив Австрию и Пруссию (так, видимо, мемуарист представлял себе новый вариант «восточного барьера») и заставив их против воли присоединиться к Великой армии. Но отличия между противниками в этой войне лежали не только в области культуры, Сегюр не забыл добавить, что это также была борьба бедных против богатых⁸¹.

В конце повествования Сегюр снова вернулся к теме борьбы Севера и Юга, создав таким образом некоторую цельность композиции: «Итак, звезда Севера одолела звезду Наполеона. Неужели это судьба Юга быть побежденным Севером? ...И ужасный результат нашего вторжения не является ли тому новым подтверждением?» Далее он упомянул римлян и Карла Великого, которые также не смогли завоевать Север, но лишь остановили поток вторжения. Но когда в нынешнюю эпоху на Севере овладели современными методами ведения войны, русские войска сразу оказались на Эльбе и в Италии, и в скором времени, предсказывал Сегюр, они могут там закрепиться: «В предыдущем веке Европа, то ли из человеколюбия, то ли из тщеславия старалась цивилизовать этих людей Севера, которых Петр уже сделал грозными воинами. Надеясь таким образом ослабить угрозу для Европы упасть в новое варварство, если падение во тьму Средних веков действительно возможно»⁸². В этих строках можно обнаружить влияние подложного «Завешания Петра Великого», в котором содержались примерно схожие угрозы населению Европы, что еще раз демонстрирует влияние и успешность наполеоновской пропаганды в деле формирования исторической памяти.

⁸⁰ Segur Ph. P. Op. cit. Т. 1. P. 48.

⁸¹ Ibid.

⁸² Ibid. Т. 2. P. 330–331.

* * *

Л. Вульф в известной книге утверждал, что эпоха Просвещения породила концепцию специфического региона «Восточная Европа», в которой отразился процесс перехода основного источника варварства и опасности для Европы с Севера на Восток⁸³. Однако окончательно этот переход состоялся только в XIX в., особенно применительно к России. И в мемуарах о походе Наполеона в 1812 г., наряду с характеристиками, относящими страну, в которую вторглись французы и их союзники, к разряду восточных, еще довольно много упоминаний о принадлежности России к Северу.

Несмотря на значительное количество материалов о России, ее географии, климате и общественном устройстве, она предстает на страницах мемуаров о походе 1812 г. страной во многом мифологизированной. Война против нее становится эпическим событием, которое по своему значению нужно сравнивать, как утверждали мемуаристы, с Троянской войной, завоеваниями древних римлян и крестовыми походами. Цивилизованные французы вынуждены сражаться здесь не только с людьми, но и с многочисленными стихиями (сперва жарой, потом морозами и снегом), дикими животными (медведями и волками), а также огромными и пустынными пространствами. Дикость и варварство русских также становятся одной из стихий, с которыми необходимо бороться солдатам Великой армии.

Тезис о том, что русская зима стала главной причиной поражения Великой армии в России, надолго закрепился в общественном мнении Франции и всей Европы. Образ замерзающего в снегах России солдата будоражил воображение немцев в 1941 г. из-за чего нацистская пропаганда вынуждена была предпринимать большие усилия, чтобы объяснить разницу между армиями Наполеона и Гитлера, и таким образом успокоить солдат вермахта и их родственников в Германии⁸⁴.

По утверждению А.Г. Тартаковского, 29-й бюллетень Великой армии произвел огромное впечатление на всю Европу самим фактом признания поражения Наполеона в России, и потому объяснение причин этого поражения было уже не столь значимо. Под влиянием признания собственного поражения версия Наполеона о происшедшем была принята за истину, тем более что он в дальнейшем устно и письменно неодно-

⁸³ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.

⁸⁴ Подробнее об этом см.: Дацишина М.В. Тема Наполеона и войны 1812 г. в советской и нацистской пропаганде в ходе Великой Отечественной войны // ВИ. № 6, 2011. С. 149–156.

кратно повторял ее⁸⁵. Однако надо заметить, что версия эта легла на хорошо подготовленную почву. Наполеоновская пропаганда постоянно подводила читателей к мысли, что Великой армии в России противостоят в первую очередь стихии, с которыми до поры французы под управлением императора успешно справлялись, но, в конце концов, природа все же победила человека. Схожие оценки событий можно найти и в частной переписке, которая была важным источником информации о войне для широких слоев общественного мнения во Франции и всей Европе. Такая трактовка событий российской кампании 1812 г., многократно повторенная во множестве мемуаров, вышедших в свет на протяжении XIX в. поддержала миф о непобедимости Наполеона, поскольку считалось, что все сражения кампании он выиграл. Поскольку главным победителем французов в этой войне называли кого угодно (климат, пространство, плохую организацию тыловой службы), но не другую нацию (русских), события похода стали дополнительным и очень важным подтверждением величия нации французской.

⁸⁵ *Тартаковский А.Г.* Военная публицистика 1812 г. М., 1967. С. 188.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>